Уважаемые читатели! По традиции посвящаем майский выпуск «Литературной гостиной» поколению победителей. От всего сердца поздравляем вас с 74-й годовщиной Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, земной поклон фронтовикам за то, что они отстояли честь и независимость нашего государства от врага, что столько десятилетий над нами мирное небо! В честь живых и ушедших от нас - стихи и проза, рассказы, воспоминания. Среди авторов - фронтовики, уже ставшие взрослыми людьми дети войны, дети защитников страны - Борис Борин, Лев Соляников, Николай Каменихин и Александр Репин, он дебютант «ЛГ».

■ СОКРОВЕННОЕ

На этом поле рвались мины

Константин ШАРАФАН давно уехал из Сеймчана в теплый Ейск Краснодарского края. Бывший геолог на пенсии, в свободное время пишет сатирические куплеты, лирические стихотворения. Недавно издал небольшой сборник, а на днях Константин Григорьевич прислал несколько стихотворений из новой книги.

Поле ада

Отцу-фронтовику

На этом поле рвались мины,
Поднимая ветер.
Здесь был иссечен каждый стебелек.
Отец мой это поле в 43-м,
Громя врага,
С бойцами пересек.

Мирный вечер

Ветерок калину не колышет,
Догорела астрою заря,
Вечер из лугов прохладный вышел,
Запах из цветов душе даря.
Тени от деревьев распростерлись,
С каждым мигом тени все кучней,
Очертанья верб за плесом стерлись,
Слышен крик далеких журавлей.
Теплота к плечам моим прильнула,
Память детства тихо мне вернула
Неожиданно, не постучав.

■ ДЕБЮТ

41-й, зима, Подмосковье...

Магаданец Александр РЕПИН - педагог детско-юношеского клуба «Молния», автор и исполнитель собственных песен. Их число приближается к тремстам. Александр Григорьевич руководит рок-клубом «Колыма», который действует на базе Детско-юношеского центра.

С 1986 года он участник клуба самодеятельной авторской песни Магадана «До Мажор», выступает в различных концертах и программах, сотрудничает со многими музыкальными и общественными объединениями города и области. В творческом багаже Александра Репина много песен о Севере, Магадане, и уезжающие земляки увозят записи на память. Александр Григорьевич участвует практически во всех мероприятиях клуба ветеранов, он член областного совета ветеранов труда. Сегодня Александр Григорьевич впервые публикуется в «МП», поздравляем его с дебютом.

Казачья слава

41-й, зима, Подмосковье, бои за Москву продолжаются.
Здесь по вражьим тылам казаки дерзким рейдом идут
По оврагам, болотам внезапно и там появляются,
Где нужнее всего, где фашисты их вовсе не ждут…
И всегда защищали страну, не жалея ни крови, ни жизни,
И всегда верой-правдой служили и были защитой Отчизне.
Шашки острые терских, кубанских, донских казаков…
И под Волоколамском, у Солнечногорска и Истры,
Где в боях заслужили гвардейское званье казаки по праву,
Шли гвардейцы Доватора, шашки, как молнии, быстры,
И ломали хребет оккупантам, рубили фашистов на славу!

■ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

«На военных дорогах»

Фронтовая рукопись Бориса Борина

Творчество фронтовика Бориса Борина высоко ценил Анатолий Пчелкин, руководитель областной писательской организации в 80 - 90-е годы прошлого века. В его стихах - раздумья прошедшего войну современного нам человека, познавшего цену жизни на фронте и ее многосложные ценности в мирные дни. Предлагаем вам отрывок рассказа из рукописи «На военных дорогах», который принес в редакцию член Союза писателей России Сергей Сущанский.

Данке шен, герр лейтенант

Расширив плацдарм на Пассарге, армия двинулась вперед. Гитлеровское командование рассчитывало, что мы будем долго выковыривать эсэсовцев из дотов. И даже надеялось, что так и не сумеем этого сделать. А мы попросту оставили их за спиной, окружив легкими заслонами. И пусть сидят там гарнизоны, пока не надоест...

Не выдержал удара разрекламированный геббельсовской пропагандой «несокрушимый, стальной» восточный вал на реке Пассарге. Не остановили немцы на ее берегах Красную армию, как обещал Гитлер. Впервые Германия поняла, что война проиграна, конец неотвратим и близок. Так зачем же старикам и женщинам бежать за вермахтом, бросая дома, теряя скарб и детей на дорогах?

...Село, в которое вошла головная походная застава, ничем не

■ ИСКОРКИ СЧАСТЬЯ

Детство в казенных стенах

Парад 1941-го, Сталин, День Победы

Старшее поколение семьи колымского геолога Николая КАМЕНИХИНА с Рязанщины. В военные годы Николая Тимофеевича определили в детский дом, его отец Тимофей Мартынович воевал. О своей судьбе Николай Каменихин написал книгу «Преодоление». Николай Тимофеевич приехал на Колыму 62 года назад, окончив техникум в Миассе. Начинал он на золотой Теньке, потом работал в Мали, Лаосе, Никарагуа, вернулся в Магадан, простившись с коллегами, уехал на Южный Урал, к родственникам. Прочтите рассказ о военном детстве геолога Каменихина.

В детдоме присматривался к воспитателям, детям, наблюдал, как общаются. Помню, взрослые возмущались, почему не увозят в тыл, возмущались, мол, Сталин улетел на самолете далеко от Москвы. Ребята постарше говорили, что их отцы-солдаты громят всех немцев, и я сказал, что мой папа - герой в орденах на фронте бьет фрицев. На меня смотрели с восхищением. Завтраки, обеды и ужины нам привозили из столовой, но иногда машины куда-то забирали, и привезти еду было некому. Спать ложились с надеждой, что утром съедим ужин и завтрак.

Вскоре узнали, Сталин в Москве, немцы ни за что столицу не возьмут, а 7 ноября на Красной площади будет парад! Это произвело сильное впечатление, и мы о вожде говорили с гордостью. В день парада нас собрали в комнате, где на стене висела черная тарелка - радио. Никто не знал, когда оно «заговорит». Вдруг раздался хрип, и услышали голос, который мне не понравился. Я ожидал, что у Сталина он богатырский, представлял его выше и сильнее всех людей. Москву отстояли, постепенно мы, дети, привыкали к бомбежкам. Но как только начинала реветь сирена, плакали, ведь мы видели разрушенные и сгоревшие дома. Понимали, что произойдет, если бомба упадет на наше здание.

За первую военную зиму мы стали вялыми, ослабленными. Кормили картошкой, она пахла керосином, поэтому повара возмущались, но готовили из нее пюре. Другой еды не было. В летние месяцы нас возили на колхозные поля, где росли турнепс, картофель. Вытаскивали овощи любой спелости, мыли в речке и съедали. Изредка выдавали по столовой ложке рыбьего жира. Большинство ребят морщились и искали, куда бы его вылить. Я ставил на середину стола стакан, и он постепенно заполнялся рыбьим жиром, потом выпивал с удовольствием, но есть хотелось всегда. Жизнь в детском доме была однообразной. Не часто, но иногда нас собирали в зале, читали сказки, организованных игр и мероприятий почти не проводили. В основном мы были предоставлены сами себе. Позже понял, вместо воспитателей приходили нянечки, жительницы соседних домов. Играли, бегая по двору, кидая камни на меткость, лазая по помойкам в поисках еды. Рисовал я лучше других ребят. Обычно все они окружали и наблюдали за движением руки и рисунком.

Однажды в детдоме появилась нянечка. Говорили, она из знатной, интеллигентной семьи. Одета была в черные лохмотья, голову закрывал черный изношенный платок. Она выполняла самую грязную работу. Обращались с ней, как с человеком второго сорта, потому, что немка. Видел, как, убрав посуду, собрав, что осталось в тарелках, складывала и доедала в закутке. Ребята нарочно глумились над ней, когда пытался защищать ее,

отличалось от брошенных жителями сел, где пришлось бывать прежде. Не вставали над трубами дымки, закрыты ворота и двери. Овчарки не бросались, свирепо рыча, на солдат, они бесновались и лаяли, сидя на цепи.

Решили прочесать село. С восточного края к центру пошел комроты, с западного - я с ребятами. Первый ... десятый дом. Пусто. Но тепло: печки недавно вытоплены. Значит, несколько часов назад люди были. Куда же все подевались? В этот дом я вошел, держа в руке пистолет, за спиной - Мишка Волков и Алешка Борисов с автоматами на боевом взводе. Толкнул сапогом дверь и - остолбенел. Большая комната, в ней сорок женщин, наверное, собрались со всего села. Выдохнули одним горлом сдавленно, с ужасом: «Ах!», прижали детей к груди и замерли, вытаращившись на меня. А я стою на пороге, ну прямо солдат русский с геббельсовского плаката: небритый, с ног до головы заляпан грязью, с парабеллумом в руке, а за мной - два автоматчика, стволы нацелены на женщин. Только что кровь с наших рук не капает.

Все молчат: дети и мы. Потом догадался спрятать пистолет в кобуру, а ребята опустили ППШ. Объяснил, дескать, не бойтесь, стрелять не будем. Они, увидев, что их ни убивать, ни насиловать никто не собирается, залопотали, заплакали. Детишки такой рев подняли - стекла звенят. И вдруг откуда-то, из толпы этих баб, выбегают две девчонки, лет по 17, кидаются мне на шею.

- Мы русские! - кричат. - Угнанные мы...

Уткнулись в меня с двух сторон, плачут.

- Да погодите, девки, реветь! Расскажите лучше, что здесь происходит?

- А что происходит, - говорит одна, всхлипывая. - Немецкие солдаты ушли, бабы митингуют - что делать? И за армией идти страшно, и вас ждать страшно. Мы говорим - не станут русские убивать баб и детишек, не заведено такое у наших солдат. А они не верят, но остались - куда с детьми от родного дома потащишься...

- Ладно, скажи им: пусть топают по хатам. Никто их не тронет.

Снова они что-то залопотали по-немецки. И потянулись фрау с мешками и детьми по домам. «Данке шен, герр лейтенант... Данке шен, герр зольдат...».

Гляжу: уже кое-кто из батарейцев немецких малышей сахаром оделяет.

Отходчиво русское сердце. Две наших соотечественницы были первыми рабынями, которых встретили на немецкой земле. Да еще, видимо, хозяева у них были умные и оборотистые - загодя, понимая, что рано или поздно русские солдаты придут, приодели и прикормили девчат.

А сколько мы потом встречали русских на фольварках, в селах, поместьях, на заводах. Оборванные дистрофички, от одного взгляда на которых каменело сердце от жалости к ним и ненависти к врагу. Германское иго ничем не лучше монгольского. Тираны всех веков одинаковы. Для беззащитного человека нет разницы между автоматной пулей и кривой саблей. Рабство и смерть всегда одинаковы...

Понял я это значительно позже. А тогда был рад, что первый контакт с мирным населением Германии прошел чинно и строго, как и было предписано приказами и наставлениями начальства.

кричали: «Ты что, за немцев?». Поработала она с нами недолго: появилась, как призрак, и исчезла, ее звали Берта.

В 1944 году одна из воспитательниц объявила: «Начинаем подготовку к школе». Раздали по одной тетрадке и по простому карандашу. Из учебников на всех - три букваря и три арифметики, мы перерисовывали буквы в тетрадь. Никаких палочек и крючков не писали. Занятия вели нерегулярно, как-то увидел: мальчишки втихушку делали из листиков самолетики. Научили нас читать по слогам, коряво писать, считать, разучили таблицу умножения. При отсутствии профессиональных учителей, остром недостатке книг и пособий образование тормозилось.

По слухам мы знали, скоро конец войне. Дети фантазировали о встрече с родителями-фронтовиками. Представляли отцов, на груди которых с трудом помещались ордена и медали за храбрость в уничтожении фашистов. На боку - острые сабли и пистолеты. Отцы принесут вкусные подарки, и никогда не будет голода, хотя никто из ребят не знал, живы ли отцы-матери.

Однажды мне сказали: «К тебе пришли». Выбежал в коридор и в прихожей на деревянной длинной лавке увидел солдата. Мужчина вскочил и прижал меня к себе. Потом поднял на руки. Это был отец! Он рассмотрел меня и заплакал: «Коля, сынок, ты не вырос. Худой, кожа да кости. Ты уж прости меня, война. Ты не болеешь?». Я сказал, что живу хорошо, глупо улыбался и не отрываясь смотрел на родителя. Он достал из кармана бутерброд со сливочным маслом, два яйца, три конфеты в фантиках. Батя сообщил, что наши войска скоро победят фашистов, а его отправляют из Кенигсберга на Дальний Восток, на войну с Японией. Отец снова заплакал, взял меня на руки, прижал к себе. Сказал, что я - пушинка, обещал вернуться и забрать и побежал на сборный пункт. Как только дверь за ним захлопнулась, я разревелся. Меня окружили ребята, так я стал героем детского дома: это был первый случай приезда отца с фронта.

Конец войны встретили в новом красивом помещении. В большом зале окна были занавешены красивыми шторами, на которых изображена кремлевская стена, а в простенках между окнами кремлевские башни. С высоких потолков свисали сверкающие хрустальные люстры. Туалеты и умывальни поражали яркой белизной кафеля. Полы в коридорах и комнатах были застелены красными с зелеными кантами ковровыми дорожками, в столовой стояла красивая мебель. Воспитатели и внешний вид помещений напоминали сон. После ужина, который нам показался праздничным, отправили спать. Я долго не мог уснуть, было какое-то предчувствие, а потом провалился. Вдруг включили яркий свет в зале и нас разбудили громкими криками: «Победа! Ура-а!». Все стали прыгать на своих кроватях и кричать: «Ура-а-а!», обнимались, смеялись от радости. Вдруг небо озарилось многоцветными вспышками и веерами искр, свет погасили, чтобы смотреть салют. Дружно считали количество залпов, это был настоящий праздник. Казалось, утром начнется другая, хорошая и сытная жизнь, и мы радовались. На следующий день нас не будили до обеда. Долгожданная Победа окрылила всех, разговоры чаще касались темы возвращения отцов с войны.

Мой родитель - фронтовик-орденоносец Тимофей Мартынович 1913 года рождения - забирал меня в сентябре 1947 года. Рядом с ним шла незнакомая женщина, но она остановилась за калиткой детдома. Папа крепко обнял меня, показал на женщину и спросил: «Кто она?». Я понимал, что не мама. Папа-то думал, я забыл, что она умерла, когда мне было всего 3 года. Но поскольку женщина пришла с ним вместе, значит… И я выпалил: «Мама!»… Она бросилась ко мне, прижала к себе и стала целовать. С того дня Анастасию Александровну я называл мамой, ко мне она относилась, как к родному сыну.

■ ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Борис Борин родился 23 мая 1923 года в Харькове. Окончил школу в 1941-м. На фронт ушел добровольцем. Он служил артиллеристом, разведчиком, связистом, воевал на Брянском и Белорусском фронтах. В 1947 году после демобилизации, когда ему было 24 года, поступил в Московский библиотечный институт, работал в библиотеках столицы, позже - журналистом в редакциях «Знание - сила», «К новой жизни», литературным сотрудником газеты «Лесная промышленность». В октябре 1968 года переехал на Колыму, работал в районной газете «Заря Севера». Затем на Чукотку, в Анадырь, был ответственным секретарем окружной газеты «Советская Чукотка». Журналистская судьба складывалась успешно - его ценили, печатали, очерки выходили в газетах и журналах в Москве и Магадане.

Главной темой творчества была война, поэтический талант раскрылся на Севере в зрелом возрасте. Первая поэтическая книга «Разведка боем» увидела свет, когда автору было уже за пятьдесят, но сборник получил признание, затем последовали «Незакатное солнце», «Эхо», «Связной». Умер Борис Борин в 1984 году в Анадыре.

■ ВОЕННАЯ ЛИРИКА

Защитникам Кавказа

Родителей магаданца Льва СОЛЯНИКОВА Марка Ивановича и Антонины Максимовны нет в живых, в годы войны его отец сражался на правом фланге у Орджоникидзе, там наши защитники перекрывали врагу путь к бакинской нефти. Мама Льва Марковича трудилась в тылу на Алтае, она была редактором одной из районных газет. Их взрослый сын, осмысливая трагедию военных лет, изучает историю, пишет о том времени.

Фрагмент поэмы

Давно окончен бой на перевалах

В горах Кавказа, ближе к перевалам,
На склонах, в ледниках, на гребнях скал,
Где грому боя эхо отзывалось,
Остались те, кто свой рубеж не сдал...
В неполных восемнадцать и постарше,
В шинелях и с винтовками в руках
Они прошли от моря скорым маршем
К вершинам, утонувшим в облаках.
В одном ряду: бакинцы, одесситы,
Сыны степей и гор, сибиряки,-
С захватчиком сошлись в бою открытом,
Не дрогнули всем бедам вопреки.
Сорок второй - тяжелый год войны:
Три армии немецких рвутся к Волге,
На Северный Кавказ, на юг страны.
В Берлине полагали: ждать недолго
Успехов на востоке; в сентябре
Бои на перевалах завершатся.
Рассчитывался день в календаре,
Когда упрямый «русс Иван» им сдастся.
В притихшей школе южного селенья
Над картой седовласый генерал
Продумывал для армии решенье,
И сложность обстановки представлял.
Противник хорошо ему известен
По Первой мировой; тогда он был
Поручиком, и в штыковую вместе
С солдатами своими он ходил.
За веру, за Отечество сражался,
Глядела смерть в лицо ему не раз.
С тех пор немало лет прошло, дождался:
Незваный гость явился на Кавказ.
«Южнее Дона все довольно сложно:
Колонны Клейста жмут со всех сторон;
Нацелился он на Майкоп, на Грозный,
На очень важный нефтяной район.
Лазутчиков команды бросил в горы,
Едва ли обеспечен там заслон;
Одно из направлений - прямо к морю,
Портами овладеть намерен он.
В военных планах не предугадали,
Что побережью будут угрожать
Не их десанты, не морские дали,
А перевалы. Как их удержать?

Памятник героям в Терсколе на месте боев.

Выпуск подготовила Марина ПРАСКОВА.